

Диана Клепова

МОЙ ОТЕЦ
МИР

Диана Клепова

Мой отец – Мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062334

ISBN 9785449008961

Аннотация

Воздух средневекового Парижа согрет кострами инквизиции – охота на ведьм в самом разгаре. Церковью упорно насаждаются идеи о том, что кошки – бесовские животные. Их хозяева без оснований обвиняются в колдовстве и платятся за это жизнью. Юная Клодетт не следует этим нелепым верованиям и превращает подвал своего дома в пристанище для бедных животных. Когда их обнаруживают, на помощь девушке приходит капитан королевской гвардии, и вместе они пытаются не потерять себя в жестоком мире XV века.

Содержание

О книге	5
Предисловие	6
Мой отец – Мир	11
Пролог	13
Глава 1	19
Глава 2	30
Глава 3	38
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	69
Глава 7	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Мой отец – Мир

Диана Клепова

© Диана Клепова, 2017

ISBN 978-5-4490-0896-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

«Мой отец – Мир» открыл Диану как автора с новой стороны. После «Мертвой Авеню» и «Дыхания Атлантиды» было немного непривычно читать что-то историческое, да еще и написанное в соответствующем стиле, но нельзя не признать, что это автору к лицу. Чувствовалось, что текст струился с легкостью, даже будучи не самым простым. Сквозь него сочилась та атмосфера средневекового Парижа, которая, кажется, там и существовала. Невольно задаешься вопросом: неужели машину времени изобрели? Или реинкарнация существует? Так или иначе, но этот роман – красивая, грустная история любви, которая развивается в декорациях, современному человеку не знакомых. Спасибо за правду.

– Таня Фрей, автор трилогии «Хранители»

Предисловие

*Comoedia enim deteriores, tragoedia meliores,
quam nunc sunt imitari conantur*

*(комедия имеет намерение изображать
людей худших, а трагедия – лучших, чем
существующие)*

Если мы перенесемся на шесть столетий назад, то увидим, как судьи выносят смертные приговоры, а палачи рубят головы. Смертная казнь применяется в качестве наказания за грехи, но не следует ли этих самых судей, жандармов и палачей наказывать за то, что, играя в Господа Бога, они грешат еще больше самих приговоренных?

Нет. Ни в коем случае. Судить будет только Бог. Карать тоже может только Бог. И тем не менее, двадцать столетий кряду общество берет на себя Его роль. И оно справляется ужасно.

Что дает человеку, такому же смертному как другие, право лишать жизни другого?

Мне всегда была чужда и непонятна идея казни. В жар бросает от одной только мысли о том, что запрет на нее во Франции ввели совсем незадолго до нас, только во второй половине двадцатого века, а именно в 1981 году. Но еще хуже то, что в нашей России смертная казнь так и не была отменена, а лишь заморожена. Последняя казнь случилась

в недалеком 1996 году. В Китае, США, Иране, Ираке, Саудовской Аравии и реже в Белоруссии смертные приговоры приводятся в исполнение и по сей день. В Российском законодательстве, впрочем, смертная казнь все еще существует как гипотетическая возможность, и в случае отмены моратория 1874 осужденным (по состоянию на 1 апреля 2014 года) грозит смерть. Сейчас высшей степенью наказания считается пожизненное заключение.

«Надежда в тюрьме отчаяния», Эвелин де Морган

Чтобы охарактеризовать смертную казнь как нечто по-на-

стоящему гнусное, я приведу два ярких, подтверждающих то примера, донесенных до нашего века пером Виктора Гюго.

«Три месяца назад в Дижоне казнили женщину. (Женщину!) И на этот раз механизм доктора Гильотена действовал неисправно. Голова не была отрублена сразу. Тогда подручные палача ухватили женщину за ноги, и, под отчаянные вопли несчастной, до тех пор дергали и тянули, пока не оторвали голову от туловища.»

Сложно сказать, какой из них более чудовищен.

«...в конце сентября в тюрьму к одному заключенному, спокойно игравшему в карты, явились с заявлением, что через два часа он должен умереть; человека охватила дрожь – полгода о нем не вспоминали, и он считал, что страшная кара миновала его; его обстригли, обрили, связали, исповедили, затем посадили на телегу и с четырьмя жандармами по бокам повезли сквозь толпу зевак на место казни. До сих пор все шло, как обычно, как полагается. Около эшафота палач принял страдальца из рук священника, втащил его на помост, привязал к доске, говоря языком каторги, заложил в печь, и спустил нож. Тяжелый железный треугольник с трудом сдвинулся с места, ежесекундно застревая, пополз вниз и вот где начинается настоящий ужас – не убил, а только поранил несчастного. Услышав его отчаянный крик, палач растерялся, поднял нож и опустил снова. Нож вторично вонзился в шею мученика, но не перерубил ее. К воплям несчастного присоединились крики толпы. Па-

палач опять подтянул нож кверху, рассчитывая, что третий удар окажется успешным. Ничуть не бывало. Кровь в третий раз хлынула из шеи приговоренного, но голова не отлетела. Короче говоря пять раз поднимался и опускался нож, пять раз вонзался в шею приговоренного, и после каждого удара приговоренный испускал отчаянный вопль, дергал все еще не снесенной головой и молил о пощаде! Народ, не стерпев этого издевательства, принялся забрасывать палача камнями. Палач соскочил с помоста и спрятался за лошадьми жандармов. Но это еще не все. Осужденный, увидев, что он на эшафоте один, насколько мог поднялся с доски и, стоя так, страшный, залитый кровью, поддерживая наполовину отрубленную голову, которая свешивалась ему на плечо, чуть слышимым голосом умолял отвязать его. Толпа, исполнившись сострадания, собралась было оттеснить жандармов и спасти страдальца, пять раз претерпевшего смертную казнь, но в этот миг подручный палача, малый лет двадцати, поднялся на эшафот, велел приговоренному лечь ничком, чтобы удобнее было отвязать его, а сам, воспользовавшись доверчивостью умирающего, вскочил ему на спину и принялся неумело перерезать остаток шеи чем-то вроде кухонного ножа. Это не выдумка. Этому были очевидцы. Да.»

Довольно здесь было бы даже одного примера.

Отдельной речи здесь заслуживает так же инквизиция, но я была щедра и посвятила этой теме целое произведение.

Можно говорить, что она уже много веков назад потеряла свою актуальность, но всем известно, что история беспрестанно повторяется; и наше дело – миновать многие ужасные вещи, которые происходили когда-то и которые еще могут произойти когда-нибудь.

О том и потому написана эта книга. О том и напишу я подробнее в послесловии.

Это грустная история, но ее нужно рассказать.

Мой отец – Мир

Ни пощады, ни снисхождения!

*Эту книгу посвящаю моей маме, научившей меня
бороться за свои идеалы
и христианскую веру*

Пролог

Инквизиция – огонь – выражение адских мук... Человек средневековья пропитан мыслью о смерти.

Йоганн Хейзинга. «Осень средневековья»

Путь следования за Христом будет тем путем, каким прошел он.

Освальд Чеймберс

Париж сегодня проснулся таким же, каким был вчера и каким будет завтра. В утренней рутине люди сновали по теплым улицам и не замечали вокруг себя ничего прекрасного. Жизнь просто текла своим чередом, а точнее, протекала мимо, ведь многие парижане, как и другие западные европейцы и люди средневековой Европы в целом, по-прежнему не понимали самого главного.

То был далекий 1483 год, смутно предстающий перед современным человеком через призму времени.

Клод Мармонтель, в честь которого была названа его внучка, дитя его дочери Вивьен, с самого утра стоял на Гревской площади, пытаясь найти временную работу: несмотря на преклонный возраст, обычно он зарабатывал тем, что помогал перевозить грузы на стройке.

Его жена, Джозефина, уже торговала на рынке Шампо ку-

рицей и молочными продуктами. Их зять, муж покойной дочери, еще с первыми птицами ушел в оружейную, как делал это ежедневно. Смерть жены, Вивьен, просто уничтожила его, но за девятнадцать лет Леонард Бастьен научился прятать свои чувства даже от собственного ребенка – он просто закрывался от самого себя и своего мира, направлял все свои эмоции на изготовление оружия. Оставшуюся часть времени Леонард был пьян.

И он даже не подозревал о том, что прямо сейчас его дочь совершала тяжкое преступление.

Маленький черный комочек шерсти дрожал у ее груди, когда Клодетт несла его домой, пряча под плащом. Этого котенка она подобрала на пустой улице – похоже, кто-то испугался кары и избавился от бедного животного, – и собиралась позаботиться о нем, как и обо всех остальных своих кошках.

Клодетт Бастьен спасала черных кошек, которых находила, а в остальное время пела и плясала на улицах, чтобы хоть как-то помочь своей семье заработать на хлеб. В Париже существовал эгоистичный способ выйти из бедного положения, поэтому бабушка Джозефина и папа до сих пор не оставляли попыток выдать ее замуж, и только дедушка Клод по-настоящему понимал внучку и каждый раз объяснял жене и зятю, что нельзя заставлять кого-то выходить замуж за нелюбимого человека. Такое редко случалось, чтобы девятнадцатилетняя девушка ходила незамужней, но Клодетт никогда никого не любила так, как женщина любит муж-

чину, но зато крепко любила свободу, поэтому всегда протестовала и выступала против любого замужества.

Сейчас больше всего она боялась, что котенок мяукнет или подаст любой признак своего присутствия. Если какой-то горожанин увидит его, Клодетт немедленно обвинят в колдовстве и вздернут или сожгут на костре вместе со всеми ее хвостатыми животными, ведь христиане средневековья без каких-то оснований для подобного рода верований решили, что черные кошки связаны с нечистой силой, и что сам дьявол может принимать образ черного кота. Ни бабушка Клод, ни бабушка Джозефина в эти глупости никогда не верили, чего нельзя было сказать об отце Клодетт, но она, к счастью, никогда не зависела от его мнения и своих животных от Леонарда прятала.

Молодой офицер благородной и приятной внешности, с легкой улыбкой на губах наблюдавший ее сегодняшнее выступление на углу дома №51, на своем сером коне патрулировал улицу Вилленова Двора и совсем скоро должен был проехать мимо Клодетт. Опасность стала почти физически ощутимой, когда он оказался рядом и с нескрываемым любопытством оглядел ее с головы до пят.

Клодетт опасливо выглянула из-под капюшона. Судя по его мечу на поясе, длинному плащу из дорогих тканей и отсутствию колчана стрел за спиной, это был капитан королевской гвардии. Она не в первый раз видела его. Этот мужчина лет двадцати пяти часто смотрел на то, как она пляса-

ла и слушал ее пение. Он даже бросал ей в мешочек монету-другую за каждое выступление, которое видел, но это отнюдь не значило, что он сжалится над Клодетт, обнаружив черного кота.

От страха ей показалось, что язык примерз к небу. Девушка поежилась и укуталась в плащ еще сильнее.

– Что же Вы там прячете? – невозмутимо поинтересовался он своим самоуверенным тоном.

– Кабачки, – пискнула Клодетт в ответ.

– Ах, кабачки? – переспросил молодой капитан.

– Да. С рынка несу, – промолвила она.

– Так ведь Шампо в другой стороне, – удивился офицер, начиная подозревать уличную плясунью в воровстве.

– А я после этого к подружке зашла, – соврала она.

Это была неправда. У Клодетт не было подруг.

– От чего же Вы их прячете? – не отставал капитан. –

Неужто замерзли, али боятся улицы?

– Я и не прячу, – Клодетт ускорила шаг. Она боялась посмотреть ему в лицо и старательно избегала встречи с его бдительными глазами. – Мне так удобнее.

Котенок тревожно завозился. «Как не вовремя!» – подумала Клодетт. Она знала, что офицер может потребовать, чтобы она сняла плащ, и когда увидит кота, будет только два варианта выхода – на костер или на виселицу.

Желая поскорее скрыться, торопливой поступью с очень заметными неуверенностью и волнением, Клодетт устреми-

лась к толпе. Главное только затеряться среди этих людей – и капитан останется позади. Досада девушки росла, потому что Клодетт слышала цокот копыт лошади офицера за своей спиной. Ее сердце билось через удар. Побочным эффектом этой нервозности стало то, что Клодетт, укутывая котенка крепче, сжала его хрупкое тельце слишком сильно, и бедное животное издало громкий болезненный кошачий стон, как кричат кошки, когда им наступают на хвост.

Она еще не успела смешаться с шумной толпой, где голос котенка стих бы в суете. Капитан слышал его. Иначе и быть не могло. Ко всему прочему, он точно знал, что мяукнувший кот был черным, ведь в другом случае девушка не стала его прятать.

Бледная, как статуя, Клодетт застыла посреди улицы, точно изваяние. Она медленно повернулась к замершему в метре от нее офицеру.

Забрало его начищенного до блеска шлема громко звякнуло по основной части, когда капитан уронил его от удивления. Мужчина покачал головой и снова поднял забрало, чтобы хорошо видеть Клодетт. Несчастливая содрогнулась под его суровым солдатским взглядом. Он сощурился, будто проверяя, не показалось ли ему.

– Господин офицер?.. – Голос Клодетт дрожал.

Теперь она смотрела ему прямо в глаза. Ей казалось, если она поднимет свой кроткий взгляд, он узнает все ее тайны, но теперь, когда капитан королевской гвардии знал глав-

ный секрет Клодетт Бастьен, ей было нечего терять. Пусть он только сделает это быстро.

– Ступайте домой, – вдруг с грубой простодушностью проговорил капитан. – и постарайтесь впредь быть осторожнее.

Глава 1

Клодетт не могла вымолвить ни слова. Она вымучила кивок, но благодарственную улыбку выдавить из себя так и не получилось. Девушка медленно попятилась, не сводя глаз с капитана, чтобы убедиться в том, что это не было ловушкой, а затем сорвалась на бег.

– Как Ваше имя? – прокричал капитан ей вслед.

Она услышала его порывистый, могучий голос, но не ответила. Клодетт лишь на секунду обернулась, поймала молящий взгляд его темных глаз и помчалась дальше. Капитан и раньше встречал Клодетт, но никогда не спрашивал об ее имени. Почему? Вдруг он передумал и решил доложить о ней во Дворец правосудия? Или не узнал ее лицо, почти полностью скрытое в тени капюшона, и эта загадочная девушка заинтересовала его куда больше, чем настоящая Клодетт Бастьен?

Пробиваясь сквозь суетливую толпу, она случайно толкнула какую-то ворчливую бабку, чье лукошко яблок от удара перевернулось, и на ходу бросила быстрое извинение, но в ответ та засквернословила, точно сарацин. Клодетт впервые пропустила мимо ушей ругательства в свою сторону – сейчас ее не волновало ничего, кроме мысли о том, что было просто необходимо поскорее оказаться в безопасности.

Сложно поверить, что когда-то на этом месте квакало

огромное болото. Местность еще в XII – XIII веках осушили тамплиеры, которые и были ее первыми жителями. После падения ордена этот квартал, можно сказать, окраину средневекового Парижа, заселили горожане, среди которых были и предки Клодетт Бастьен. И сейчас, в апреле 1483 года ее семья все еще проживала на улице Вилленова двора.

Сбоку показался такой знакомый забор родного дома. Деревянные стены, соломенная крыша и маленькие окна – он был простым и незатейливым. О большем Клодетт, впрочем, и не помышляла. С облегчением выдохнув, она отворила калитку, побежала по двору, быстро поднялась на старое крыльцо по лестнице из четырех скрипучих ступенек и скрылась за дверью.

Суетившаяся с приготовлением еды до этого, бабушка Джозефина выбежала из крошечной кухни с полотенцем в руках и злобно сверкнула на внучку глазами. Она знала, что случилось: если Клодетт возвращалась домой посреди дня, а не как обычно, вечером, это значило только одно – она притащила домой очередного кота. Но почему сама бабушка вернулась с рынка так рано, было неизвестно. Едва Клодетт открыла рот, чтобы спросить, как получила оплеуху.

– Дуреха! Снова кот! – ругала ее бабушка. – Сколько уже можно! Тебя могли заметить!

Если бы она узнала, что котенка заметил сам капитан королевской гвардии, то пришла бы в такую неистовую ярость, что Клодетт тотчас лишилась бы жизни от тяжелой руки соб-

ственной бабушки.

Она зажмурилась и потерла больное место, подставляя под удар другую щеку. Она не смела возразить, только повиновалась. Возражение собственным родителям, а тем более матери, – бабушка заменила ей покойную мать – считалось дурным тоном и полным неуважением, а Клодетт учили почитать старших.

– Отнеси его в подвал. Быстро! – приказала бабушка Джозефина и не забыла добавить подзатыльник.

Она сбегала на кухню, зажгла свечу и всучила ее внучке. Ее стальной голос вдруг смягчился, но все еще был строгим:

– Сегодня к нам придут гости. Друзья твоего отца. Сдаётся мне, один из них намерен просить твоей руки. Не смей снова ему отказывать.

Теперь стало ясно, почему бабушка вернулась так рано. Значит, и отец тоже должен скоро прийти.

Клодетт не ответила. Они обсуждали это слишком много раз. Она не знала, как объяснить отцу и бабушке, что она ни за что не выйдет замуж просто потому, что они так хотят. Если смысл ее слов не доходил до них раньше, ничего не изменилось бы и сейчас. Клодетт оставалось разве что изобрести новые слова.

Бабушка Джозефина считала себя несчастной из-за того, что ее внучка беспокоилась о котах намного больше, чем о вопросе скорейшего замужества. Все ровесницы Клодетт уже давно построили свою семью и заимели детей, а «эта все

носится с котами, и на примете у нее никого нет. Ну за что такое наказание!» – Джозефина считала это огромной проблемой и пеняла на жизнь. Ее муж Клод не поддерживал такую точку зрения и всегда был на стороне внучки. «Зачем ей нужен муж? Она защищает невинных, зная, чем может за это полатиться. Я горжусь Клодетт» – все повторял он.

Впрочем, Клод всегда был таким. Его дочь Вивьен, мать Клодетт, всегда любила отца больше, чем кого-либо другого. Он – поддержка, любовь, верность, надежность, понимание – все это в одном лишь человеке, поэтому Вивьен назвала своего ребенка в его честь. И не зря, ведь Клод стал самым близким человеком для Клодетт.

«Если будет мальчик, я назову его Клодом. А если девочка, то Клодетт» – сказала она однажды, но не успела дать новорожденному имя, и Леонард сам дал его своей дочери, помня последнее желание покойной жены.

Тяжело вздохнув, бабушка смахнула со лба пот, выступивший от волнения и жара огня, и снова побежала на кухню.

Отдельным вопросом была безопасность Клодетт. Если кто-то найдет кошек, ее казнят. Эта мысль ни на минуту не покидала голову Джозефины с того самого дня пять лет назад, когда четырнадцатилетняя Клодетт тайком пронесла в дом своего первого котенка. Поэтому бабушка была такой строгой. Поэтому она ругалась.

Спускаясь в подвал по темной лестнице, прижимая к себе дрожащего от страха котенка и вытягивая в темноту ру-

ку со свечой, чтобы осветить сырое подземное помещение, Клодетт снова и снова прокручивала в голове слова бабушки Джозефины. Очень не хотелось снова подводить семью, но она никогда не примет предложение того, кого не знает или того, кого не любит.

Запах в подвале стоял очень неприятный. Все кошки справляли нужду в углу – оттуда и шла вонь. Клодетт мыла пол каждый день, но избавиться от запаха навсегда было невозможно, ведь в подвале ютились целых семь кошек, а убирать за каждой сразу она не имела возможности.

Едва завидев хозяйку, кошки замяукали и замурлыкали. Тринадцать кошачьих глаз – не четырнадцать, ведь один из котов лишился левого глаза в борьбе за жизнь на улице – усталились на Клодетт.

– У нас пополнение: новый братик! – радостно объявила Бастьен, обращаясь к ним.

Она поставила свечу на тумбочку и показала котенка своим животным. Одноглазый кот выступил вперед и принялся тереться о ноги девушки. Остальные дружно присоединились к нему. Все они просили ласки и еды.

Клодетт плясала и пела на улицах за гроши, – на прошлой неделе она заработала всего девять парижских денье – а потому не могла кормить кошек как положено. Все они были тощими, словно смерть, несмотря на то, что Бастьен давала им все, что только могла найти: то собирала объедки со стола, а иногда получалось даже купить рыбу у уличных торгов-

цев.

Она выложила сегодняшние пожитки, на которые кошки набросились с большим аппетитом, при этом громко причмокивая, и убрала их «туалет», а новенький котенок при этом так разнервничался, что сначала спрятался за коробками, а потом завопил, что было мочи, но все-таки вышел к остальным. Клодетт улыбнулась этому зрелищу.

Шарль – так она назвала котенка за его отвагу, ведь в каждом из них видела прекрасное – вскоре соскучился по новой хозяйке и забрался к ней на руки, где, уткнувшись в ладонь, сладко мурлыча, задремал.

– Клодетт! Клодетт! – раздался голос бабушки за дверью. – Поднимайся к нам!

Она звучала неожиданно ласково. Неужели гости так быстро пришли?

Девушка с извинением поставила котенка на пол, схватила свечу и понеслась наверх. Нельзя, чтобы кто-то что-то заподозрил. В том числе и ее отец – Леонард считал кошек нечистыми тварями, и поэтому, как мы уже знаем, прятать их приходилось даже от него. Подвал стал лучшим убежищем: Вивьен умерла там, рожая Клодетт, и Леонард поклялся больше никогда туда не спускаться, чтобы избежать болезненных воспоминаний об утрате жены.

Оказавшись наверху, Бастьен быстро заперла за собой дверь. Заметив остатки кошачьей шерсти на плаще, Клодетт быстро сняла его и спрятала. Потом отчистит, сейчас време-

ни на это нет – заметят.

Клодетт и ее семья входили в число небогатых горожан, едва ли не крестьян, и потому одевались просто и незатейливо. Зато практично. Сейчас Клодетт была облачена в простенькое белое платье из дешевых тканей, и на ней совсем не было украшений.

Она перекинула низкий хвост через плечо, – короткие передние пряди были выпущены вперед – провела по голове рукой – Клодетт была счастливой обладательницей шелковистых темно-рыжих да еще и длинных волос и притом густых темных бровей – и пошла на кухню. Девушка теребила кончики волос и тем самым выдавала свое беспокойство.

Еще сильнее Клодетт заволновалось когда увидела их сегодняшнего гостя. Напротив ее отца, накручивая усы на указательный палец, за грубо сколоченным деревянным столом сидел Жюльен, сын судьи, тот самый человек, которому она отказала в предложении руки и сердца неделю назад. Этот наглец снова пожирал ее хищным взглядом. Клодетт знала, что он скажет еще до того как из его рта полились слова.

– Ну что же ты, красавица, подумала о моем предложении? – он улыбнулся своей нахальной пошловатой улыбкой, и Клодетт почувствовала острое желание стереть ее с его самодовольной морды.

Помимо знатного рода, природа наградила Жюльена привлекательностью. Он был красивее многих мужчин. С этим даже Клодетт не могла поспорить. Лицо его было симмет-

ричным и, если позабыть об усах, которые Жюль оставлял нарочно, гладко выбритым; брови темными, как и волосы, густыми, но аккуратными; глаза голубовато-серыми, умными, с вечным самодовольным прищуром, который их портил; а кожа от рождения была несколько смугловата, и это лишь придавало ему шарма. Во внешности Жюльена многое говорило об испанском происхождении – его мать была испанкой и свои лучшие черты передала сыну.

Но эта красота была Клодетт неприятна. Она хорошо знала, что под ней скрывалось. Не зря в наше время говорят, что в любимом человеке нравятся даже недостатки, а в нелюбимом раздражают даже достоинства.

Вокруг них суетилась бабушка Джозефина с посудой в руках. Клодетт точно знала, что сейчас она слушала особенно внимательно. Когда внучка Джозефины становилась свидетельницей чьего-то откровенного, по ее мнению, разговора, она старалась как можно громче шуметь, чтобы ненароком не подслушать, но люди, подобные самой Джозефине, в таких ситуациях превращались в тихую мышь, чтобы слышать каждое слово. Так было и сейчас. Бабушка стала двигаться тише и медленнее, чтобы ничего не пропустить мимо ушей.

– Нет. Я сразу отказала Вам, и это решение было окончательным, – Голос Бастьен звучал устало, но твердо.

Она почти физически почувствовала, как напряглась Джозефина за ее спиной. На секунду ей показалось, что бабушка научилась поджигать людей взглядом.

– Боюсь, ты пожалеешь об этом в скором времени, – высокомерно заметил Жюль и приподнял темные брови, отпивая из кружки.

– Я жалею лишь о том, что не могу высказаться, – беззаботно пожала плечами Клодетт. Она ожидала очередной оплеухи за дерзость от Джозефины, но, по-видимому, бабушка решила не отвлекаться и промолчала. Бастьен и представить не могла, чего ей стоило это самое молчание. – А сейчас, с Вашего позволения, – Она обращалась к Жюлю. – я покину вас. Мне нужно работать. Зарабатываю на приданное. Глядишь, к тридцати годам и выйду замуж, но... Сдается мне, Вы меня не дождетесь.

Клодетт задорно подмигнула мужчине, присела в наигранном реверансе и, заработав строгий взгляд отца, выскочила на улицу. Леонард, как и бабушка Джозефина, ненавидели ее привычку отвечать с сарказмом людям, которые ей не нравились. Они считали это сортом безнаказанной грубости, знаком плохого тона. Впрочем, так оно и было. Но Клодетт, как женщина, могла позволить себе только сарказм. Лишь на это она имела право. Это был ее способ выражать свое недовольство и высмеивать людей, подобных Жюлю. Только так она могла остаться не обвиненной в разгуле дикарских инстинктов, унаследованных от праматери Евы, при этом ясно дав наглецам понять свою позицию.

День оказался таким же долгим, как и все его предше-

ственники. Клодетт заработала не больше, чем обычно. Бабушка Джозефина отчитала внучку за отказ по ее возвращении, а когда домой пришел дедушка Клод, все стихло. Кошки были единственным, что скрашивало дни Клодетт Бастьен. Котенок Шарль залез на ее плечо, спрятался в волосах – там котята чувствовали себя уютнее и потому любили в них путаться – и своим мурлыканьем убаюкал Клодетт. Она так и заснула в подвале на небольшой кошачьей лежанке, спиной прислонившись к холодной стене.

Утром она умылась, привела себя в порядок, проводила дедушку, бабушку и отца на работу и, стоя перед зеркалом, уже собиралась заплести косу, как вдруг в дверь яростно забарабанили. Рыжие волосы заструились по ее плечам, когда Клодетт отпустила их и метнулась открывать незванным гостям.

Перед ней стоял мужчина в начищенном нагруднике и с обеих сторон от него возвышались еще несколько таких же. Дом Клодетт обступила толпа зевак: всем было интересно, что сейчас случится, и зачем столько солдат пришли в дом к молодой беззащитной девушке.

– Клодетт Жизель Рене Бастьен, Вы обвиняетесь в колдовстве и постоянном общении с дьяволом под видом черной кошки и приговорены к публичной казни через повешение! – громко провозгласил тот, что стоял впереди.

Сердце Клодетт пропустило удар. Показалось, будто весь дух из нее вышел. Вслед за недоумением пришло и понима-

ние: капитан королевской гвардии, отпустивший Клодетт домой, сдал ее.

Глава 2

Двое мужчин подхватили Клодетт под руки и повели прочь. Девушка сопротивлялась и вырывалась всеми возможными способами: брыкалась, извивалась, пыталась уку-ситься.

Окруженная со всех сторон, она почти потеряла всякую надежду, но не собиралась сдаваться без боя. Неважно, что ее обвинили в колдовстве. Неважно, что именно с ней хотят сделать эти жестокие суеверные люди. Они убьют всех кошек! Всех восьмерых! Всех, кого она приютила, о ком заботилась, кого любила и от кого получала взаимность и благодар-ность. Вот что волновало Клодетт Бастьен, когда ее вели на казнь.

– Нет! Пожалуйста! Пожалуйста! – взмолилась она. – По-жалуйста! У меня нет никаких кошек! Клянусь душой!

Клятвы были так распространены в те времена, что нару-шить любую из них считалось страшным грехом. Должны ли были стражники ее послушать?

Надо же, чтобы увести несчастную девушку на казнь, яви-лись столько стражников! Впрочем, ничего удивительного в этом не было – они ведь всерьез считали, что она была ведьмой, а значит боялись ее.

Клодетт чувствовала, как острая, точно лезвие, нить, ко-торая держала ее над пропастью, трещала. Ее голос то захле-

бывался, то резал слух.

– Неужели вы в самом деле хотите это сделать? Говорю же вам, здесь нет кошек! – Она едва не задыхалась. Ее невидящий от слез взор блуждал по толпе, стражникам и останавливался на мужчине, который, по догадкам Клодетт, был ее палачом. – Я сто лет не видела черных кошек! Помогите! Помогите!

Толпа охала и свистела. Девушка заработала несколько сочувственных взглядов. Кто-то закрывал лица руками и отворачивался, качая головой. «Бедное дитя. Ну разве может она быть ведьмой!». Другие скандировали: «Вздернуть ведьму! Смерть колдунье!».

Уже и так белая, словно чистый снег, Клодетт побледнела еще сильнее. Ее вдруг охватил страх смерти.

– Нет! Пожалуйста! Говорю вам, там никого нет!.. – повторяла она, тратя последние силы. Девушка то складывала руки с мольбою, то ломала их. – Сжальтесь, господа стражники!

Но ничто – ни ее молящий взор, ни надрывающие сердце рыдания, ни безумная отрывистая речь – не дали зрительного результата. Палач указал на дверь в подвал, и стражники кивнули. Только не это! Они хотят проверить подвал!

– Нет! Нет! Нет! – выдав свой секрет, пронзительно закричала Клодетт и заплакала пуще прежнего.

У палача защемило сердце, но он справился со своей слабостью и потянул несчастную девушку прочь. Из груди Кло-

детт снова вырвались рыдания, но, окончательно обессилив, девушка позволила увести себя.

Она видела, как стражники выломали дверь в подвал, как один за другим они вошли в темноту и скрылись, спустившись по лестнице. Бедные, бедные животные! Слова не в силах описать, как разрывалось сердце Клодетт, знавшей, что прямо сейчас с ее любимцами, в которых она вложила всю свою душу, жестоко разделялись солдаты. Ну чем заслужили эти благодарные животные такую страшную смерть!

Было слишком поздно. Теперь, когда трагичная участь кошек была неизбежна, Клодетт больше ничего не волновало. Палач тащил ее по улице на Гревскую площадь, где ее уже ждала виселица, и девушка совсем не сопротивлялась. У нее был отсутствующий вид: голубые глаза уставились в одну точку мертвым взглядом, последние слезы равнодушно скатывались по щекам и останавливались. Пусть делают с ней, что хотят! Клодетт не реагировала ни на что.

Даже тогда, когда ее протащили мимо капитана, неизменно сидящего на лошади рядом с навесом, где расположился судья, ожидая казни ведьмы, на лице несчастной не дрогнули ни один мускул.

Как и большинство казней в те времена, эта основывалась на доносе. Может, оно и лучше, что никакого суда? Все равно ей не удалось бы спасти своих кошек или хотя бы спастись самой. Судья применил бы пытки и мучал ее до тех пор как она сама не созналось бы в совершенном преступлении, а по-

сле отправил бы на свидание с виселицей. Еще можно было допустить вариант, что Клодетт могла скончаться во время пыток при таких обстоятельствах.

Неважно, какой из путей они бы выбрали: итог у каждого из них предусматривался один – казнь Клодетт и убийство восьмерых кошек.

Зеваки уже успели столпиться на площади. Люди ждали казни и во все глаза наблюдали, как на виселицу, следом за палачом, девушка поднималась по лестнице навстречу своей смерти. Клодетт выпрямила спину. Нет, она не будет унижаться здесь. Она с достоинством примет смерть и не прольет больше ни одной слезы.

Лицо девушки выглядело решительным. Если умирать, так умирать, но с честью. Не стоит беспокоиться о том, чего не можешь изменить даже при всем желании. Сколько невинных девушек приняли здесь смерть? Сколько жизней забрала эта ненасытная виселица? Кто из них ушел с достоинством: те, кто в слезах умоляли о помиловании, понимая, что это не спасет им жизнь, или те, кто отважно встретил погибель, ни о чем не жалея? Так пусть все увидят, что Клодетт Жизель Рене Бастьен ни о чем не жалеет. Если бы она могла вернуться в прошлое и что-то там изменить, она все равно брала бы кошек под свою опеку. Это стоило того. Девушка гордо подняла голову вверх, демонстрируя всем свое безразличие, но губы у нее при этом дрожали, выдавая страх.

Мысль о том, что Бог был на ее стороне, утешала как ни-

когда. Держаться на публике и притворяться непоколебимой с этой верой оказалось не так сложно.

Палач набросил веревку на тонкую шею Клодетт, поправил петлю и проверил узел. Девушка сглотнула. Она смотрела куда-то вперед, игнорируя толпу, игнорируя палача, игнорируя удавку на своей шее, игнорируя холодный шепот смерти.

Взгляд Бастьен устремился на судью, приговорившего ее к гибели, когда она об этом даже не подозревала, скользнул в сторону и наткнулся на темные глаза капитана, предавшего ее.

На его застегнутом лице застыло такое же выражение, как у Клодетт. Он прятал свои чувства, свои эмоции. И что творилось у этого человека в голове? Капитан смотрел куда угодно, только не на Клодетт. Может, ему было стыдно за содеянное. А может, у этого человека совсем не было совести, может, голос Божий давно оставил его.

Во всяком случае, теперь он знал ее имя.

«Смерть ведьме! Казнить колдунью!» – скандировала толпа. Неужели она умрет вот так просто, будучи ненавистной всем Парижем? Но и сама Клодетт ненавидела весь Париж. Она удерживалась от слез, вызванных не только страхом, но и бесконечной ненавистью к этим людям. Нет ничего хуже, чем умереть в таком состоянии. Нет ничего страшнее, чем явиться перед Богом с такими мыслями на уме. Всепоглощающая ненависть всегда приводила людей в геенну ог-

ненную.

Неожиданно люди зашептались, буря гиканья и свиста утихомирилась. Сквозь толпу отчаянно пробивалась бабушка Джозефина, требовавшая освободить ее внучку. Следом за ней спешил дедушка Клод. Где же был ее отец? Клодетт разглядела его, стоявшего на самом краю площади. На его лице девушка не могла прочесть ни единой эмоции. Леонард слепо смотрел на дочь, но понять, злился он, сожалел или грустил, было сложно.

– Гнусные палачи! Сейчас же освободите мою внучку, грязные убийцы! – ругалась Джозефина. – Вам нужна не она!

Сердце Клодетт заколотилось чаще. Что она задумала? Решила спасти ее? Это невозможно. Решение суда нельзя изменить. Эти жестокие люди не знают жалости и не умеют сострадать.

– Что ты хочешь сказать, старуха? – возмутился палач, одарив пожилую женщину таким взглядом, каким принято смотреть на мух.

Толпа вновь загалдела, но крайне заинтересованный судья пресек этот шум. Он подался вперед, сощурился, будто пытался прочесть мысли Джозефины, и произнес следующее:

– Говори.

– Это бедное дитя не имеет к кошкам никакого отношения, – заявила Джозефина громко, чтобы каждый горожанин на площади ее услышал. – Это мои кошки, судья Михель де Валуа.

– Ты сознаешься в преступлении, старая ведьма? – спросил судья.

– Да. И жду Вашего вердикта.

Шокированная, толпа не проронила ни слова. На Гревской площади воцарилась тишина. Судья почесал седую бородку и сделал задумавшийся вид, прежде чем озвучил приговор.

– На виселицу ведьму! – приказал Михель. – И отпустите девушку.

Было заметно, как с облегчением выдохнул капитан, но Клодетт не видела ничего, кроме своих слез перед глазами.

– Нет! – закричала она, глуша рыдания. – Бабушка, нет!

Бабушка Джозефина ответила ей простой любящей улыбкой, будто говоря: «Ты спасена, дорогая». Такого теплого взгляда Джозефины Клодетт удостоилась в первый раз. Или, быть может, она только сейчас заметила, как сильно бабушка ее любила?

Палач снял петлю с шеи девушки и грубо отпихнул несчастную в сторону. Клодетт повисла на его сильной руке, умоляя помиловать бабушку:

– Пожалуйста! Пожалуйста, она не ведьма! Послушайте меня!

Но мужчина не стал с ней церемониться. Он забросил Бастьен на плечо и отдал прямо в руки дедушки Клода, смиренно отошедшему в толпу, едва получив внучку назад.

– Дедушка, надо спасти ее! – плакала она, вырываясь, но Клод тянул ее прочь. – Как ты не понимаешь?! Бабушка, бабушка! Я здесь! Бабушка, я тут!

Тем временем Джозефина уже поднималась по лестнице. Клодетт сделала еще один сильный рывок, норовясь освободить ее, когда на шее бабушки затянули петлю.

Клод обернулся и понял, что это случится прямо сейчас. Он закрыл мокрые от слез глаза внучки своей большой плотной ладонью, когда тело его жены закачалось над площадью, содрогаясь в предсмертной агонии.

Глава 3

Ей не нужно было видеть, чтобы знать, что бабушка Джозефина была мертва. Клодетт почти физически ощутила, как оборвалась ее жизнь.

Она убрала руку дедушки, защищающую ее глаза от страшного зрелища, зажмурилась, чтобы не видеть тела, и пошла прочь. Ей хватило всего нескольких минут, чтобы потерять все.

Толпа молчаливо расступалась перед рыдающей девушкой. Кто-то жалел ее, кто-то все так же с подозрением на нее косился, а капитан королевских стрелков ее преследовал.

Клодетт слышала топот копыт его лошади за своей спиной, но не оборачивалась. Она ненавидела его. Но вовсе не из-за того, что капитан сдал ее, а за то, что он не сделал это сразу и заставил довериться себе, поверить в то, что все будет хорошо.

Едва капитан открыл рот, чтобы обратиться к девушке, слева от нее возник дедушка и заключил внучку в свои объятия. Это было не лучшим местом и временем для разговора с ней, но капитану было просто необходимо сказать ей одну очень важную вещь. И даже не одну. Но если и говорить с ней сейчас, то только наедине, а ждать, пока Клодетт успокоится, и смущать ее было не лучшим вариантом.

Офицер огляделся, увидел толпу, наострившую уши,

и окончательно передумал разговаривать об этом на улице. Он пришпорил коня и умчался в неизвестном направлении.

– Ну, по́лно, Клодетт, по́лно, – утешал Клод хлюпающую носом внучку, поглаживая ее по спине.

– Зачем она это сделала? – тихонько спросила Бастьен, подняв на него красные от слез стеклянные глаза.

– Она хотела спасти тебя, – ответил дедушка. – И она сделала это.

До дома они дошли в полном молчании. Ни желания, ни нужды говорить не было.

Клодетт собралась с духом и сделала то, на что не мог решиться ее отец целых девятнадцать лет.

Она спускалась в подвал. Оттуда веяло небывалым ужасом и страшным холодом, будто в стене зимним днем появилась брешь. С каждой ступенькой Клодетт чувствовала себя все хуже и хуже. Ее колени дрожали. Раньше это место согревалось мурчанием маленьких пушистых животных, но теперь здесь чувствовалось лишь дыхание смерти.

Когда нога девушки угодила в лужу чего-то темного, Клодетт поняла, что спускаться сюда было плохой идеей. Она медленно опустила покрасневшие глаза в пол и увидела кровь. Ее тонкие руки задрожали, едва не уронив свечу.

Здесь их убили.

Стоять больше не было сил. Ноги Клодетт вдруг стали ватными. Девушка медленно опустилась на колени и поставила

свечу на подставке в лужу крови. Теперь пол хорошо освещался огнем.

Кровь была повсюду. Эта лужа оказалась самой большой. Прямо от нее до следующей бежали кровавые следы кошачьих лапок. Кто-то из них пытался убежать, но от следующей лужи никаких следов не шло, а значит, беглецу спастись не удалось. Здесь же, в невинной крови, плавала их черная шерсть.

Клодетт сорвалась.

Все это было зря! Все было зря! Кошек она не спасла, да еще и бабушки лишилась! Что она теперь будет делать! Потерять все за полчаса – что могло быть хуже?

Содрогаясь от рыданий, Бастьен рухнула на пол и свернулась в позе зародыша, подтянув колени к влажному от слез лицу, где ее платье было испачкано в кошачьей крови. Она вдыхала ее металлический запах, глотала слезы и мяла белую ткань в своих ледяных ладонях.

Клодетт всегда считала, что она отвечала за кошек самостоятельно, и забывала о том, что бабушка отвечала за нее саму. Бастьен никогда даже и предположить не могла, что ответственность за это преступление ляжет на плечи Джозефины. Это был ее выбор, но от этого дышать было еще больнее. Неужели бабушка так сильно любила свою внучку?

Джозефина обзывала ее, много ругала и даже поднимала на нее руку. Но лишь потому, что до смерти ее любила. И сегодня она это доказала.

Девушка перевернулась на спину и продолжила рыдать, лежа на холодном полу.

Когда-то здесь обитали ее кошки. Теперь она лежала в их крови. Когда-то на кухне, сверху, хлопотала бабушка. Но сейчас ее тело, вздернутое на виселице, висело над Гревской площадью.

И кто был виноват в этом?

Клодетт потеряла свою мать, не успев даже узнать ее. Но все любили ее и горевали о ее смерти. А с бабушкой было по-другому. В последние минуты жизни Джозефины толпа требовала ее казни. Никто не жалел ее и никто не будет чтить ее память. Никто, кроме ее семьи.

Она всегда думала, что дедушка любил бабушку. Но если так и было, как он мог вести себя так спокойно? Сколько лет он прожил вместе с Джозефиной? Сорок с лишним. И почему он не плакал? Он что, не любил ее?

Эта девушка еще не умела прятать свои чувства и любого, кто держал себя в руках и не давал слабости взять верх над собой там, где она не могла, воспринимала как бессердечного. Ее голову не покидал вопрос: разве этот человек, дедушка Клод, которого так любила его жочь, ее мать, который научил ее читать, в то время как образование давали лишь девушкам из высшего общества, а не из третьего сословия, мог не любить свою жену, пожертвовавшую собой ради их внучки? Неужели ему и правда было все равно?

Бастьен отказывалась в это верить, но не могла придумать

другого оправдания его сдержанному поведению. Она не понимала, что некоторые сильные люди предпочитают держать боль в себе и справляться с этим самостоятельно. Клод собирался перенести это, не нагружая кого-то еще своими проблемами, и жить дальше ради своей внучки. Но сама Клодетт никакого смысла дальнейшего существования пока не видела.

Холодные слезы скатывались по ее щекам, смывая с нее вину, скатываясь вниз, оставляя за собой влажную дорожку горечи.

Ничего нельзя было вернуть. Никого нельзя было спасти. Ее тонкое тело похолодело на стылом полу, а лицо побледнело. Она недвижимо лежала, погруженная в свою печаль. Сейчас Клодетт была похожа на покойницу. Она думала лишь о том, что убила больше, чем спасла.

Уныние одолело ее, и чистая, непорочная, светлая душа Клодетт беспомощно впорхнула в ледяные объятия греха. Она забыла о том, как крепка была ее вера всего час назад. Она забыла о том, что Тот, кто хочет помочь, был, есть и будет рядом всегда. Она забыла о Боге.

Но Он напомнил ей о своем присутствии.

В углу кто-то завозился. Маленькие коготки пытались зацепиться и перепрыгнуть коробки. После нескольких неудачных попыток покрывало скатилось вниз, а вместе с ним на пол приземлились маленькие лапки.

Клодетт не сразу поняла, что случилось. Неожиданно

ожив, она приподнялась на локтях, и обернулась в поисках источника звука.

Робкий котенок Шарль несмело шел к ней на дрожащих пушистых лапках, осторожно ступая по грязному полу, испачканному в крови его сородичей. Клодетт смотрела на него и не верила своим глазам. Нет, это не могло быть правдой. Никто из них не мог выжить. Наверняка она просто сходила с ума.

Котенок сомневался. Он не знал, стоило ли приближаться к человеку, даже если этим человеком была та, кто спасла его. Сегодня он решил, что люди ему не нравятся. Сегодня он решил, что люди – монстры, от которых он спасся по нелепой случайности. Шарль сделал еще несколько маленьких шагов и замер. Клодетт заметила, что дрожали у него не только лапки – малыш дрожал всем телом.

Бастьен зажмурилась до боли и покачала головой, прогоняя из своей головы образ хвостатого пушистика, но котенок никуда не делся. Он только испугался и попятился назад.

– Неужели ты выжил?.. – прошептала, почти прохрипела Клодетт, нежно вытянув руку к котенку. – Как тебе удалось? Где же ты спрятался?

Она подняла голову на то место, откуда появился Шарль, и ответила на свой вопрос – котенок забился в угол, и это помогло ему избежать гибели. Найдя объяснение, Клодетт перестала сомневаться. Да! Он был жив! Она не сошла с ума!

Клодетт быстро встала и подхватила напуганного малыша

на руки. Извиняясь за то, что ему пришлось пережить, и благодаря за то, что он выжил, она прижала котенка к самому сердцу, делясь с ним любовью своего холодного тела и согревая все еще теплым сердцем.

Глава 4

Капитан занес кулак над дверью дома Бастьенов-Мармонтелей и дважды подумал, прежде чем постучать. Он почувствовал разочарование, когда на пороге появился Клод, а не Клодетт, как он рассчитывал.

– Капитан Рафаэль Ларивьер, – Клод едва не закатил глаза при виде офицера. Ему поперек горла стояла королевская гвардия. – Учитывая обстоятельства, могу с уверенностью сказать, что Ваш визит сегодня абсолютно неуместен.

– Вы отец Клодетт? – спросил Рафаэль, проигнорировав тот факт, что Клод был отнюдь не рад его присутствию.

– Нет, я ее дед, – ответил дедушка с видом утомленного жизнью человека, спешившего поскорее добраться до сути разговора и оказаться как можно дальше от неприятного собеседника.

– В таком случае, позовите...

– Ее отца нет дома, – перебил Клод. – Зайдите в другое время, капитан.

Он поспешил закрыть дверь, но Рафаэль не дал ему это сделать, поставив ногу между дверью и ее косяком. Клод выходил из себя и глазами метал в него молнии, но Рафаэля не напугал этот взгляд – напротив, он принял вызов, выпрямился во весь свой высокий рост, чтобы принять устрашающий вид, и в упор посмотрел на Клода. Со стороны это вы-

глядело так, будто они пытались прожечь друг друга взглядами.

– Мне нужно поговорить с Вашей внучкой, – процедил капитан сквозь зубы.

– Вы выбрали неподходящее время для разговора, – Клод не собирался сдавать позиции.

Дверь подвала позади него жалобно заскрипела. Все в том же белом платье, теперь местами окрашенном в цвет крови, Клодетт стояла на самой верхней ступеньке подвального помещения и раскрасневшимися от слез глазами с негодованием смотрела на капитана и дедушку. Она поймала удивленный взгляд офицера и почувствовала, как сильно его ненавидела.

– Что он здесь делает? – почти прошипела девушка, не сводя буравящего взгляда с Рафаэля.

– Капитан хотел поговорить с тобой, – ласково ответил дедушка, и тон его являл разительный контраст с тем тоном, каким он разговаривал с Рафаэлем. – Но он уже уходит, – Его голос стал ниже, когда Клод снова повернулся к офицеру и наградил его таким же взглядом, каким смотрел раньше.

– Правда? – Клодетт вдруг смягчилась. – Я поговорю с ним.

Оба удивленные, Клод и Рафаэль в недоумении переглянулись.

– Вы не оставите нас на минутку? – с театрализованной любезностью поинтересовался Клод и закрыл дверь перед

носом капитана, не дождавшись его ответа.

Рафаэль вздохнул. Сняв шлем, он поправил белокурые волосы, по длине доходившие ему почти до плеч, и встряхнул челку, сильно нервничая и надеясь выглядеть перед Клодетт наилучшим образом, когда она откроет дверь. Правда вот через две минуты он засомневался, стоило ли так торопиться с прихорашиванием – впускать его в дом никто, кажется, не собирался. Офицер по-хозяйски облокотился на стену и, постукивая пальцами по шлему, который он обхватил другой рукой и прижал к туловищу, принялся смиренно ждать. Он слепо пялился то в одну точку, то в другую, то разглядывал суетливых прохожих за низким старым заборчиком. Они ни на что вокруг не обращали внимания, но дом ведьмы Джозефины, публично вздернутой сегодня на виселице, имел честь заработать их внимание. Некоторые с отвращением косились на несчастное здание, бросая на капитана подозревающие взгляды и строя догадки.

Порочная ведьма, еретичка, грешная Ева – как только ни называли Джозефину эти люди. До ушей капитана то и дело доносились новые порции ругательств, которые он старался игнорировать. Что ж, опыт он имел многолетний, ведь всегда и везде такие люди найдутся.

Рафаэлю показалось, что в ожидании он состарился на десять лет. Что ж, может, это зачтется ему в Чистилище? Прошло еще немного времени, и офицер засомневался в том, что ему вообще когда-нибудь откроют, поэтому уже собирался

снова постучать, но ровно в это же мгновение дверь отворилась. На пороге появилась Клодетт. Она пропустила дедушку, выходявшего из дома с заступом в руках – по-видимому, он шел работать. Клод гневно сверкнул на капитана глазами, будто запугивая, и скрылся за домом. Можно было подумать, что он собирался вырыть ему могилу.

Клодетт тоже была не в лучшем расположении духа. Ее лицо было совсем близко, наконец Рафаэль мог рассмотреть его с такого расстояния. Он наблюдал за ней и раньше: смотрел, как шевелились ее губы, когда она пела, как двигалось ее грациозное тонкое тело, когда она плясала, и как благодарно улыбались ее голубые глаза, обрамленные пышными ресницами, когда кто-то бросал ей монету, но тогда все это было слишком далеко.

– И как Вам только хватило совести заявиться сюда, капитан? – покачала головой Клодетт, выждав паузу.

– Я лишь хотел объясниться, – начал он, но девушка его перебила:

– Проклятым фиглярам я больше верить не намерена, мессир, – Она нарочно выражалась такими словами, пренебрежительно отводя взгляд. – Но выслушаю Вас.

– Я вовсе не обманывал Вас, сударыня, – возразил офицер. Казалось, будто с ней сейчас говорило само его сердце. – И собираюсь прояснить ситуацию.

– Ни один плут не сознается в том, что совершил. На то он и обманщик, – заметила девушка, прищурившись.

Она сильно потеряла его в мнении, что открыто продемонстрировала, но наш капитан, к счастью, был настойчив:

– Вы сильно ошибаетесь. Я действительно не скоморох.

Клодетт приблизилась к его лицу настолько, насколько только позволял ее невысокий рост, чтобы заглянуть в бессовестные глаза подлеца:

– Неважно, как Вы это называете. Невинная женщина, бездыханное тело которой ночью отнесут в склеп Монфокона и бросят среди человеческих остовов, убита не Вами, кровь в этом подвале пролита не от Вашей руки, но Вы отвечаете за это перед Господом.

Не было в Париже ничего, что пугало бы Клодетт больше, чем виселица Монфокона, которая могла принять пятьдесят грешников за раз. Именно об этом страшном сооружении писал Виктор Гюго, на любого человека с хорошей фантазией наводя ужас его описанием, от которого я читателя пока любезно избавляю.

– Прошу Вас, сперва дайте мне объясниться! – Капитан не помнил, чтобы прежде ему случалось умолять женщину. – Клянусь душой, Вы пожалеете о своих словах, когда сказанного будет уже не вернуть, как и невинные жизни, отошедшие сегодня в мир иной.

Это повлияло на Клодетт, снова пробудив ее эмоции, и она отступила, положив руку на разбитое сердце.

Рафаэль зашел в дом и закрыл за собой дверь. Он не прошел дальше, чтобы сесть и поговорить в спокойной обстановке.

новке, потому что ему не терпелось рассказать о том, что случилось на самом деле.

– Я бережно хранил Ваш секрет и храню его до сих пор, – низким голосом произнес Рафаэль, подойдя к Клодетт почти вплотную. Девушке пришлось вжаться в стену, чтобы сохранять между их телами хоть какое-то расстояние. – Вас сдал кое-кто другой.

Сердце Клодетт колотилось с бешеной скоростью. Непонятно, в чем было дело: в неприемлемой близости капитана или в том, что она была взволнована ситуацией в целом. В душе она ликовала, радуясь тому, что Рафаэль не был оборванцем, каким она его посчитала, но при этом боялась узнать о том, кто совершил на нее донос. Кто еще, кроме бабушки и дедушки, мог знать о кошках?

– Жюльен де Валуа доложил о Вас, – промолвил Рафаэль, глядя в большие глаза Бастьен. Она была похожа на испуганную кошку: если бы у Клодетт была шерсть, она точно стояла бы торчком. – Он сделал это вчерашним вечером.

«Боясь, ты пожалеешь об этом в скором времени», – всплыла фраза сына судьи в голове Клодетт при звуке его имени. Голос Жюля, предупреждавшего ее, эхом отдавался внутри, заставляя девушку дрожать.

– Что стряслось?.. – испугался Рафаэль.

– Это друг моего отца! – призналась Клодетт, едва ли не плача. – Вчера я отказала ему, и он сказал, что скоро я об этом пожалею... Но как он узнал, ох, непонятно!

– Жюльен де Валуа, сын судьи, человек с таким достойным происхождением, сделал Вам предложение, и Вы его не приняли? – удивился капитан, отмечая финансовый достаток и хорошую репутацию этого мужчины.

– Помилуйте, сударь!

Клодетт принялась прокручивать в голове вчерашний день. Как она себя выдала? Неужели, успешно пряча кошек столько лет, всего за один день она умудрилась быть такой неосторожной, что о них узнали сразу двое?

И тогда она поняла. Должно быть, Жюль был рядом, когда она мыла Шарля, и услышал, как котенок завопил, испугавшись воды. Конечно же он сразу понял, какого цвета была его шерсть, ведь прятать белых, рыжих или серых просто не имело смысла,

– Это все сейчас неважно, – Рафаэль избавил ее от этой ужасной темы. – Потому что я могу помочь.

– Как? – спросила Клодетт, выждав недолгую паузу. Она смотрела на капитана снизу вверх глазами, залитыми кровью из-за полопавшихся сосудов, и взгляд ее был тяжел. – Ничего нельзя вернуть.

– Но этого можно не допустить снова, – подметил мужчина.

– Что Вы имеете в виду? – нахмурилась Клодетт.

– Если Вам понадобится убежище... – он наклонился к ее уху и зашептал: – я его предоставлю.

Рафаэль отстранился.

– Мне не нужна помощь! – решительно ответила Клодетт с видом настоящей парижанки. – В любых ее проявлениях.

– Неужели никто не выжил? – спросил он сочувственно.

– Нет.

– Тогда чье это?

Капитан коснулся щеки девушки, заставив ее вздрогнуть от неожиданности, снял с нее волосок черной кошачьей шерсти и показал его Клодетт. От его бдительных глаз редко что-то ускользало.

– Хорошо, – сдалась Бастьен, когда поняла, что бороться дальше не было смысла. – Может быть кто-то выжил.

Рафаэль улыбнулся уголком рта. Его темные глаза были спокойны и безмятежны, густые брови расслаблены. Клодетт разглядывала его гладко выбритое лицо, – щетина была оставлена лишь на подбородке и придавала солидности – прикидывая, можно ли этому человеку доверять. Он не был похож на других военных.

– Если кто-то узнает, что Вы сказали мне это, Вас казнят... – пролепетала Клодетт, когда к ней пришло осознание этого факта, не понимая, зачем капитан умышленно портил себе жизнь.

– Правильно, – согласился он. – Я доверился Вам. Моя жизнь в Ваших руках. А верить мне или нет – решать Вам.

– Откуда мне знать, что это не ловушка? Почему я должна тебе верить? – с вызовом спросила девушка, когда Рафаэль сделал шаг назад.

Клодетт не отдавала себе отчета в том, что перешла на «ты», но капитан не возражал.

– Мне не нужно строить тебе козни и заставить врасплох. Я могу прямо сейчас арестовать тебя, но я этого не сделаю, – спокойно ответил Рафаэль. – И я позволил твоей бабушке спасти тебя, когда мог сказать правду о том, что кошки принадлежали тебе. Если бы я хотел убить тебя, ты уже была бы мертва. Подумай об этом, Клодетт.

Она задумалась. Все, что говорил офицер, имело смысл, до которого она, ослепленная эмоциями и всепоглощающей ненавистью вкуче с унынием, не могла доискаться.

– Ты знаешь, где меня найти, – бросил капитан напоследок и покинул ее, оставив Клодетт наедине со своими мыслями в пустом коридоре.

Глава 5

Господь не делает ошибок, но, думалось капитану, создавая Жюльена де Валуа, Он был навеселе. Готовый задушить этого подлого человека голыми руками, наш офицер не смыкал глаз целехонькую ночь и никак не мог отделаться от мысли о том, что если кто в этом городе и заслужил виселицу, так это сын судьи.

Рафаэль Ларивьер был примерным капитаном. Кто-то даже говорил, что он был лучшим. Многие считали, что на него следовало равняться всем солдатам королевской гвардии. Ни одного прокола, ни единой ошибки – его служба была безупречна. Он всегда демонстрировал безоговорочную верность королю, выполняя все приказы, однако, как оказалось, он был в любой момент готов нарушить закон. Но только ради чего-то стоящего.

И за семилетний срок своей службы он это стоящее нашел. Теперь на счету капитана королевской гвардии было сразу несколько преступлений.

Первое он совершил, когда не донес о преступлении Клодетт.

Второе, когда на казни не сообщил об обмане Джозефины и позволил ей спасти внучку.

Третье, когда продолжал хранить молчание, утаивая от судьи правду.

Четвертое, когда предложил убежище ведьме и дьяволу в лице ее черной кошки.

Пятое, когда не сознался в этом на утренней исповеди.

Пять преступлений и всего два дня. Учитывая его звание, все это было даже вдвое хуже, чем для обычного горожанина. Он заслуживал быть торжественно повешенным в Монфоконе под рев толпы.

Рафаэль видел много девушек, ложно обвиненных в колдовстве, повешенных за украденную буханку хлеба, и считал это вопиющей несправедливостью, но никогда не рисковал своей жизнью ради кого-то из них. Иначе Ларивьер не стал бы таким великолепным в глазах других, в том числе и в безжалостных глазах судьи Михеля де Валуа. Но теперь он был готов распрощаться со всем этим: с безупречной репутацией, с высоким званием и даже с головой. Чем это было вызвано? Эти мысли не оставляли Рафаэля несколько часов сряду и именно они мешали уснуть.

Клодетт тоже не могла похвалиться, что провела спокойно эту ночь.

Она никогда и подумать не могла, что так дорого заплатит за отказ сыну судьи. Жюльен де Валуа совершенно оправданно мог получить звание самого большого мерзавца и самого мстительного человека Парижа.

Смерти «ведьм» требовали только те, кто в них верил. Жюль узнал о кошках, но все равно хотел взять Клодетт в жены, из чего можно было сделать абсолютно резонный вывод

о том, что в колдовство он не верил, ровно как и в ведьм. А значит, если он понимал, что Клодетт с ее кошками не представляли для Парижа никакой угрозы, но все равно хотел отправить ее на костер, он делал это просто из мести.

Этот человек, к несчастью, был жутко избалован и воображал, что все в этом мире было устроено нарочно для него, а потому решил следующее: если Клодетт откажет ему, так пусть пожалеет об этом и не достанется никому.

И что же особенного он нашел в Клодетт, что просил ее руки дважды? Зачем сыну судьи девушка из третьего сословия? Может быть, он влюбился в нее с первого взгляда и решил, что желает лишь ее одну?

Конечно же нет. Этот человек был достаточно богат сам по себе – еще большая сумма денег для него была не столь необходима, поэтому приданое не имело значения, а вот в примерной жене он по-настоящему нуждался. Клодетт, хорошая девочка, чья красота заключалась в простоте, отлично подходила на эту роль.

Такие мужчины, как Жюль, всегда хотят жениться на девушках, подобных Клодетт. Она будет воспитывать детей, готовить и хлопотать по дому, стараясь угодить ужасному мужу, а он в это время будет изменять ей, развлекаться с распутными девками в борделях и беспечно жить.

«Жюльен де Валуа, человек с таким достойным происхождением, сделал Вам предложение, и Вы его не приняли?» – слова Рафаэля с его удивленной интонацией все

не шли из головы девушки, напоминая о самом ужасном дне и о самой большой ошибке в ее жизни. Клодетт не могла избавиться от мучительной мысли о том, что если бы она согласилась выйти за него замуж, ничего плохого – кроме того, что сама девушка была бы вынуждена делить свою жизнь с законченным поганцем – не случилось бы. Бабушка была бы жива. Животные тоже.

Впрочем, читатель, чей разум не затмили эмоции, мысли об утрате и вине, вероятно, отметил, что даже ее согласие никого бы не спасло – рано или поздно Жюль все равно нашел бы причину выдать секрет Клодетт. Например, если бы она сделала что-то не по нем, не так, как он хотел.

А что капитан? Он явно не обманывал. Это она точно знала. Но зачем вызвался ей помочь? Выгода здесь шла только в одностороннем порядке, и Рафаэль лишь подвергал себя риску ради едва знакомой девушки и ее котенка. Полное безумие.

Нетерпение жгло. Едва солнечные лучи коснулись подушки, Клодетт поспешно подскочила и принялась собираться. Состояние девушки было просто ужасным, совсем неподходящим для танцев и пения, но сегодня это сделать ей было просто необходимо. И нет, не ради денег. Цель была другой.

Она надеялась, что Рафаэль снова придет посмотреть на ее выступление.

Мороз подирал по коже от одной только мысли об этой затее. Бастьен привела себя в порядок, заплела рыжие волосы

в длинную косу, перебросила ее на правый бок и было села завтракать, но он у нее застрял в горле. Тогда Клодетт надела сверху свой плащ и торопливо покинула дом, проклиная себя за безрассудство.

Ноэль уже ждал на их привычном месте у дома №51. Джозефина всегда удивлялась, почему они выступали перед приютом для бедняков, на что Клодетт отвечала так: «Такие зрители – самые благодарные». И это действительно было так. По возможности эти люди старались им платить, но даже если они этого не делали, их признательные смеющиеся лица делали дни плясуньи и музыканта радостнее. Богачей трудно было чем-то удивить, но бедняки ценили все, что им показывали.

Ноэль играл на поперечной флейте, держа ее в левую сторону и зажимая то одно, то другое отверстие – всего их было шесть и каждое имело идентичный диаметр. Завидев старую подругу, он улыбнулся.

Это был долговязый парнишка семнадцати лет, который так же, как и Клодетт пытался зарабатывать на хлеб. Впрочем, его ситуация была намного хуже. Если бы вы посмотрели на его лицо, – доброе, живое, покрытое веснушками, оно светилось, словно этого мальчика однажды поцеловало само солнце, – то никогда бы не поверили, как тяжело ему приходилось в жизни.

Ноэль был из бедной крестьянской семьи. В тринадцать лет он лишился матери – единственной, кто у него был, –

и, оставшись сиротой, был вынужден бродяжничать и заниматься попрошайничеством. Каждый день его называли отребьем и пинали, – особенно лихо доставалось от школяров – пока однажды он не нашел старую флейту на улице.

Ноэль вспомнил уроки, которые когда-то преподносила своему ребенку его мама, и вскоре заново выучился играть на ней. Одним майским днем он встретил Клодетт. Восхищенный ее плясками и ангельским голосом, мальчик предложил выступать вместе. На том и порешили: Ноэль играл на флейте, Клодетт пела и плясала под его музыку. Вместе они смотрелись значительно эффектнее, и дело пошло – прохожие стали останавливаться гораздо чаще и класть денег тоже больше.

Он жил в доме священника на Монетной улице. Тот принял его, когда юноша пришел в церковь за помощью. Господь не заставил ждать. Однако, денег на многое не хватало, поэтому, когда прежняя флейта Ноэля сломалась, ему пришлось украсть чужую.

Клодетт вынула мешочек и сложила туда тройку монет, которые Ноэль уже успел заработать своим выступлением. По вечерам они считали деньги и делили их поровну. Клодетт забирала свою долю в мешочке, а Ноэль клал монеты в карман с заплаткой.

Расправив платье, девушка села рядом с Ноэлем на их старенький коврик, разложенный на уличных булыжниках, и запела. Уставая, порой кто-то из них замолкал, и второму при-

ходилось отдуваться за двоих, чтобы дать отдышаться уставшему, но только так они могли достигнуть полного равновесия.

Кто-то из прохожих останавливался, чтобы послушать льющиеся мелодии, кто-то их не замечал, а кто-то – просто бросал монеты в мешочек и бежал дальше. Клодетт не знала, кто был приятнее: первые или последние, но лучше всего было, если горожанин все это в себе совмещал. Как Рафаэль, которого нигде видно не было.

Услышав цокот копыт, Клодетт каждый раз оглядывалась в надежде увидеть капитана, но его все не было. Девушку стали терзать страшные мысли. Вдруг кто-то узнал о том, что он сделал для нее? Вдруг Рафаэля поймали?

Но вскоре он появился.

Ее красивый голос приятно обволакивал его слух, но Рафаэль впервые не остановился, завидев ее дающей выступление.

Ее грудь стеснилась. Клодетт поймала быстрый взгляд капитана, но не удосужилась ничего большего. Офицер не обратил на нее внимания, возможно, в спешке, а возможно и вовсе не собирался замечать.

Ее вдруг одолел страх. Сладкая улыбка, которой девушка обычно приправляла свое нежное пение, вдруг сменилась встревоженным, даже испуганным, выражением лица. Она не слышала больше ни флейты, ни разговоров, ни восхищенных возгласов зрителей – ничего, кроме биения собственно-

го сердца. Почему он не смотрел на нее? Почему? Может, он передумал ей помогать? Может, ей стоило просто молча отпустить его, чтобы не попасть в беду? Вдруг Рафаэля взбесит ее настойчивость, и он выдаст ее тайну? Бастьен подумала, что отступить, наверное, было бы правильнее, но она не могла этого так оставить.

– Капитан! – прервав пение, вскричала Клодетт, когда набралась достаточно смелости.

Офицер потянул поводья на себя, приказывая своему коню остановиться, и обернулся к девушке, будто все это время здесь только и ждал, когда она позовет его.

– Что-то стряслось? – поинтересовался он своим обыкновенным солдатским тоном.

Флейта Ноэля вдруг затихла. Из-за прерванного выступления толпа стала быстро расходиться.

Клодетт не сразу ответила. Она так и застыла там с открытым ртом, глядя капитану в глаза и боясь произнести что-то лишнее. Только сейчас Бастьен заметила, что рядом с Рафаэлем ехали еще двое стрелков. Несомненно, это были его подчиненные. Вероятно, именно они являлись причиной столь сдержанного поведения командира.

– Да, господин офицер, – Она тут же выпрямилась и заговорила неожиданно уверенно. – Вы не спуститесь в мой подвал? Я думаю, там кто-то был.

Стрелки с улыбкой переглянулись, посмотрели на командира, а затем рассмеялись.

– Отставить! – приказал капитан, смерив их строгим взглядом, а потом снова обратился к Клодетт. – Вы хотите, чтобы я проверил Ваш подвал, сударыня?

– Да, – кивнула она.

Стрелки опять расхохотались, но Рафаэль снова пресек их веселье.

– Отставить! – повторил он в этот раз громче и строже. Потом он посмотрел на девушку, и его голос смягчился. – Хорошо. Посмотрим, что вор оставил после себя. Показывайте дорогу.

Клодетт сумела только быстро кивнуть и проглотить волнение, словно кусочек угля. Она наклонилась, подхватила мешочек с монетами, проворно разделила деньги, всучила Ноэлю его долю, быстро затулила мешочек, накинула плащ и, последовав за капитаном, оставила Ноэля в полном недоумении. Впрочем, как настоящий друг, он ничего не сказал, чем оказал Клодетт огромную услугу.

– Свободны! – Рафаэль отпустил гвардейцев, как только девушка оказалась около него.

– Есть, капитан! – отозвался один из них.

– Да, сэр! – подхватил второй. – И приятного времяпровождения, – добавил он шепотом, и оба солдата прыснули.

Будучи совсем молодыми, эти двое наивно полагали, что пошловатые шутки сделают их взрослее и возвысят в чужих глазах. Рафаэль, у которого столь глупые предположения перестали иметь место быть уже в пятнадцать, спустя

десять лет с того возраста, научился игнорировать таких людей и не придавать большого значения их словам. Так же он сделал и сейчас – просто промолчал. Отчитал только за нарушение дисциплины.

– Важно просто не обращать на них внимания, – озвучил свои мысли Рафаэль, спрыгивая с лошади. – У них пока только одно на уме.

Капитан взял своего коня под уздцы и повел его вперед. Клодетт шла справа от него.

– Правда? – улыбнулась она не самой своей искренней улыбкой. – И только у них *это* на уме?

– Что Вы имеете в виду? – удивился мужчина.

Они обращались друг к другу на Вы, как и было положено, ведь окружающие могли подслушать их разговор.

– Если Ваши мысли чисты, почему Вы тогда так посмотрели на ту даму? – спросила она, никого конкретно не имея в виду.

– На какую? – теперь капитан растерялся, а Клодетт рассмеялась. – Над чем же Вы смеетесь?

– Над Вами, капитан Ларивьер, – она по-детски хихикнула и задорно пожала плечами. – Я ничего не видела. Просто мне стало любопытно, как такой бравый офицер отреагирует на подобное замечание.

– Вы знаете мою фамилию?

– Как видите.

– Это большая честь. А имя Вам известно?

– А это уже слишком много чести! – захохотала она.

Рафаэль не мог понять, где заканчивались ее шутки и начинались оскорбления, поэтому он, по-птичьи склонив голову набок, сделав вопросительную физиономию и приподняв одну бровь вверх, с недоумением взглянул на нее. Это тоже показалось Клодетт до колик смешным, и она в который раз продемонстрировала капитану свой истерический смех. Эта девушка была сломлена, но все еще боролась. Он это видел. Может, Клодетт и смеялась, но глаза у нее были грустные-грустные, и в любой момент из них могли закапать слезы.

– Просто шучу, чтобы не плакать, – она беззаботно пожала плечами. – Конечно же я знаю Ваше имя, капитан Рафаэль Ларивьер.

Они прошли мимо пустой виселицы, на которой вчера была повешена ее бабушка и едва не повешена сама Клодетт. Девушка почувствовала, как тяжело ей было здесь находиться, и об этом засвидетельствовал болезненный укол в сердце.

Капитан заметил это и увеличил шаг, чтобы поскорее миновать это страшное место. Оно всегда наводило ужас. Но сейчас приобрело для Клодетт еще более жуткие цвета и пугало по-иному. Воспоминания о самом худшем дне ее жизни наводняли эту площадь и все прилегающие улицы, отскакивали от стен, свистели вместе с ветром в ушах и заполняли голову.

Они больше не разговаривали. Клодетт ничем не любова-

лась и не восхищалась. А ведь раньше она любила наблюдать за людьми. «Внутри каждого человека целый мир, непохожий на другие, каждый человек – это другая оригинальная история длиною в жизнь. Ну разве это не удивительно!» – твердила она изо дня в день, докучая родным, но сегодняшний стал исключением. Сейчас Бастьен просто молчала, уставившись себе под ноги с похоронным выражением лица, а капитан боялся сказать что-то, что лишь все усугубит.

– Где я могу привязать своего коня? – Рафаэль обрел дар речи, когда они подошли к дому.

– Привяжите к забору, – монотонно бросила Клодетт, с отсутствующим видом отпирая дверь.

– А он его не снесет? – засомневался капитан, отметив ветхость забора.

– Понятия не имею, – ответила девушка равнодушно, будто это было пустяковым делом, и ужасно ее утомило.

Она устало толкнула дверь.

Рафаэль вздохнул и поджал губы, не зная, что делать дальше. Клодетт, ушедшая глубоко в свои мысли, помогать явно не собиралась, и ее даже не волновало, что лошадь могла сломать забор, поэтому решать пришлось самому: недолго думая, он привязал коня к крыльцу и вошел в дом.

Клодетт держала в руках две свечи и ждала его у двери в подвал.

– Ты же понимаешь, что я не за этим тебя позвала? – вдруг

спросила она.

– Конечно.

– Я рассчитывала на это.

Девушка кивнула на дверь, за которой пряталась непроглядная тьма, всучила капитану горящую свечу и стала спускаться вниз. Рафаэль последовал за ней.

Внизу было намного холоднее. Он почувствовал странный запах. Капитан опустил глаза в пол и увидел странные красно-коричневые разводы. Выглядело это так, будто кто-то – без сомнения, это была Клодетт – пытался смыть кровь, но не успел, и вся она впиталась в деревянный пол. Мужчина чертыхнулся. Скольких кошек здесь зарезали?

Чуть погодя, Рафаэль оторвал взгляд от пола и устремил его на Клодетт, стоявшую в двух метрах от него. Она поставила свечу на старый стол и теперь в руках держала черного котенка. Если бы кто-то из горожан увидал это, девушку сожгли бы прямо здесь.

– Ты не думаешь, что я ведьма? – спросила она, словно озвучив его мысли.

Капитан вздохнул. Сейчас он выглядел добрее и печальнее, чем раньше.

– Ведьма никогда не выбрала бы пойти на виселицу, чтобы сохранить жизнь бабушке, – тихо ответил он, чуть погодя. – Ты пыталась встать туда вместо нее, когда она сделала это ради тебя. Я все видел и раньше, но после этой казни сомневался бы только законченный дурак.

Сколько же тогда в Париже было законченных дураков?

– Ты не такой, как все, – выпалила Клодетт, вглядываясь в его лицо. – Почему ты так добр ко мне?

Огонь горящей свечи отражался в глазах Клодетт, и это, вкупе с ее решительным взглядом, но почти плачущим от негодования голосом, выглядело так, будто пламя горело внутри девушки. Капитан подумал, что, возможно, так оно и было на самом деле.

– Я не могу допустить, чтобы еще одна невинная девушка была казнена за преступление, которого не совершала, – ответил Рафаэль.

– Говоришь, ты каждой невинной девушке помогаешь? – Клодетт недоверчиво покосилась на него. – Тогда почему казненных за колдовство становится все больше? Или наш суд так справедлив, что вешает и сжигает только действительно виновных? Таких, как моя бабушка?

– Потому что я никогда и ни за кого не вступался, – он покачал головой. – Но тебе я буду оградой.

– Тебя убьют, если узнают, – упорствовала она. – Еще не поздно передумать и спастись, Рафаэль. Я сохраню твой секрет так же, как ты хранишь мой.

Бастьен отпустила котенка и подалась вперед, едва ли не заглядывая капитану в душу своими блестящими глазами. Ее лицо выражало бесконечное беспокойство. Молящий взгляд Клодетт метался: она смотрела то в его решительные темные глаза, то на мужественный нос, то на сжатые в по-

лоску губы, то на щетину на подбородке. Рафаэль уже был в опасности, но он все еще мог спастись. Если он не осознает это сейчас, потом будет уже слишком поздно.

– Я приду за тобой после заката. Будь готова к этому времени, – промолвил он, выждав паузу.

Волнение Клодетт было вполне себе объяснимо. Нет, она не беспокоилась конкретно за этого человека и за его судьбу. Она его едва знала.

Но защищая ее, погибла бабушка Джозефина. Клодетт не знала, что с ней станет, если еще один человек пострадает по ее вине, но при этом понимала, что ей нужна помощь капитана, поэтому надеялась, что он сам осознает, насколько велик риск и откажется от этой затеи.

Противоречивые чувства разрывали Клодетт душу, и сердце ее болезненно сжималось. На щеке замерли слезы.

Рафаэль пресек все надежды. Он добровольно искалечил свою жизнь быстрее, чем кто-либо другой сделал бы то же самое случайно. Девушка почувствовала как его последние шансы на нормальную жизнь растворились в воздухе.

Она понапрасну ухватилась за его плащ, как за последнюю возможность, готовясь умолять о смене решения, как вчера палача, но Рафаэль отвернулся и стал подниматься по лестнице, ясно давая девушке понять, что разговор был окончен.

В тот день капитан королевской гвардии подписал себе смертный приговор. Пути назад больше не было.

Глава 6

Желая сколько-нибудь собраться с мыслями, Клодетт мучительно раздумывала весь вечер. Еще вчера она была погружена в свое горе и злилась на толпу, которая ревела на площади и посылала проклятия Джозефине, стоявшей перед лицом смерти на эшафоте, и в своем озлоблении едва не возненавидела весь город, но Рафаэль помешал этому случиться.

Что проку ему было помогать ей? Клодетт с жаром и волнением пыталась доискаться смысла, расхаживая по комнате взад-вперед, как делают крупные хищники, нервничая в тесной клетке. Впрочем, это никак не сказалось на ее пунктуальности и готовности к предстоящей дороге.

Когда явился Рафаэль, девушка, полностью собранная, уже стояла у двери в ожидании капитана. Клодетт была облачена в тот самый плащ, в котором она была, когда читатель ее впервые встретил. Она с решительным видом держала в руках плетеную корзину, накрытую платком. Рафаэль смотрел на ее лицо, почти полностью скрытое в тени капюшона, и в который раз дивился чистоте и платонизму своих намерений.

Сам он сегодня был одет по-иному: штаны, просторная белая рубаша да высокие сапоги – ничто в нем не выдавало капитана гвардии, кроме гордой осанки и мужественно-

го выражения лица. Рафаэля легко можно было бы спутать с обыкновенным крестьянином.

– Вы выглядите совсем как обычный человек, – озвучила Клодетт свои мысли.

– А Вы, как я погляжу, уже собраны, – констатировал капитан в ответ.

Он немного поразмыслил, а затем поспешно добавил:

– Я ведь и есть обычный человек.

Может Клодетт и улыбнулась бы на его реплику, но была слишком смущена его неожиданно домашним видом, поэтому получилось только поджать губы. Оттуда же и росли ноги неловкости, из-за которой эти двое снова вернулись к началу и стали обращаться друг к другу на Вы.

– Что в Вашей корзине? – поинтересовался Рафаэль, хоть и имел догадки на этот счет.

– Думаю, Вы и сами знаете, что там, – ответила Бастьен, и догадки офицера подтвердились.

Внутри был котенок Шарль. Клодетт посадила его на дно и накрыла такой же плетеной крышкой, оставив малышу достаточно места для движения, – воздух к нему поступал через отверстия в корзине – а на крышку наложила всяких го-стинцев и сверху укутала платком, чтобы избежать подозрений. Это выглядело так, будто корзина была до отказа набита едой.

– Считаете, это безопасно? – засомневался Ларивьер.

– Не тревожьтесь, – Клодетт поспешила его успокоить. –

Надежнее места нет.

– Почему же?

– Там он чувствует себя свободно. А если его стеснить, он испугается и станет пищать.

– Что ж, Вы, должно быть, знаете побольше меня, – уступил Рафаэль. – Но просто хочу, чтобы Вы помнили: если что-то пойдет не так, если Вы будете неосторожны, на костре рядом с Вами буду гореть и я.

Она ответила ему тишиной. От одной только мысли о том, что за одну ее ошибку капитан заплатит жизнью, у Клодетт пересыхало в горле. Она отвечала за них двоих.

– Пойдемте же, – позвала она, проглотив истерику, и вышла на улицу, оставив Рафаэля позади.

Стоило только затронуть болезненную тему как Клодетт в момент закрывалась ото всех. Так случилось и сейчас.

– Вы все-таки нашли, куда привязать свою лошадь, – отсутствующим тоном бросила она, увидев коня капитана, повод которого был обвязан вокруг крыльца – единственной надежной конструкции в этом дворе.

Рафаэль улыбнулся, но едва ли эта девушка была в силах ответить ему тем же. Он отвязал коня и предложил Клодетт первой залезть на ее спину. Или потому что она стала отличать самое важное от всего остального, и перестала бояться пустяков, или потому что лошадей никогда особо не пугалась – страшно ей не было. А вот сил не доставало. Бастьен опустила корзинку на землю и вставила одну ногу в стремя,

чтобы это помогло ей забраться наверх, но через несколько жалких и абсолютно неудачных попыток почувствовала руку капитана на своем бедре, подталкивавшую ее и служившую поддержкой, а уже через несколько секунд оказалась на лошади. Клодетт перебросила обе ноги на одну сторону, чтобы кое-как симитировать «езду по-дамски» и не задирать подол юбки, поправила платье и приняла корзинку из рук Рафаэля.

Он залез следующим. Впрочем, у него это получилось значительно быстрее и успешнее – с первой же попытки и без особых усилий.

– Прижмись ко мне сильнее, – настоятельно порекомендовал Рафаэль и поставил корзинку перед собой. – Иначе свалишься.

Нельзя было сказать, что ей было абсолютно комфортно обхватывать руками его талию и прижиматься к нему, учитывая, что из одежды в верхней части тела на нем сегодня была одна лишь рубашка, но так Клодетт действительно чувствовала себя намного надежнее. Убедившись в этом, Рафаэль пришпорил лошадь. Это было именно тем, что сейчас мы, люди двадцать первого века, называем «с места в карьер». Клодетт едва удержалась на лошади, когда та понеслась галопом, и явственно ощутила, что упасть ей не давал только капитан, за которого она крепко ухватилась, словно за спасительную соломинку. Впрочем, как бы стыдно ей ни было, только тем он для нее и являлся.

Она не искала себе мужчину, не хотела замуж. И дружить

тоже не очень хорошо умела – по природе Клодетт была одиночкой, и единственными ее друзьями всегда были животные, о которых она заботилась, как о родных детях, да и людей ее возраста в округе было не слишком много. Тогда кем был Рафаэль? Если не потенциальным мужем и не другом? Просто спасителем. Плечом, на которое можно было опереться и попросить помощи.

И за это Клодетт себя стыдила. Дураку ясно – ни один мужчина не станет рисковать жизнью ради равнодушной девушки, а значит Клодетт ему нравилась. Она это знала. Сердце ее мучительно сжималось каждый раз, когда Бастьен напоминала себе о том, что она пользуется его чувствами, принимая помощь. Она не находила себе покоя, но и отпустить Рафаэля была не в силах, ведь это точно обрекло бы ее на неизбежную встречу с виселицей, если бы обман раскрылся, конечно, поэтому тешила себя. Ей было проще убеждать себя в том, что Рафаэль испытывает к ней самые теплые чувства, как и она к нему, но одни лишь дружеские. Так она и делала, но это помогало только кое-как унимать плохие мысли о собственном эгоизме, а груз вины все равно не сбрасывало, ведь если с Рафаэлем что-то сделают, повинной в этом будет она в независимости от того, влюблен он в нее или нет.

Служить королю и своей Франции, быть бравым офицером – все это у него получалось отлично. Но справится ли он нарушая закон?

Ах, что бы сказала бабушка Джозефина, если бы виде-

ла, как Клодетт под покровом ночи сбегает из города, чтобы спрятать то, что позволит инквизиторам возложить на нее вину за все беды, происходившие в Париже!

Но это было и неважно. Пусть бабушка придет, пусть крепко ее разбранит, надает оплеух и отправит в постель – все, что угодно, пусть только она будет рядом! Клодетт никогда не думала, что Джозефины ей будет так не хватать, и не знала, как сильно ее любила. Все те несправедливые обвинения, которыми бабушка то и дело бросалась, тогда делали Клодетт такой несчастной, но теперь она знала, что такое истинное горе.

– Это, безусловно, не моего ума дело, но я все же спрошу, – вдруг заговорил капитан, вырвав Клодетт из пучины изнурительных мыслей. – От чего же Вы не хотите выйти за Жюльена?

– Этот человек не страшится ни земного суда, ни небесного, ни Петра, ни Иоанна. Он смеется, когда дьявол шутит. Я не берусь его судить, но он вызывает гадливость, и провести свою жизнь с таким человеком я ни за какие деньги не соглашусь, – вздохнула она. – Жюль не верит в связь кошек с сатаной, но он донес на меня как на ведьму. Он хотел отомстить мне, хотел, чтобы я заплатила жизнью за отказ ему. Когда я об этом догадалась, то поняла, что не ошиблась, когда не приняла его предложение. Жюльен шантажировал бы меня этим всю жизнь, и я бы мучилась. В конце концов, когда я устала бы выполнять его приказы, он сдал бы меня

со всеми потрохами, а потом гулял с новой женой по площади, на которой по его вине повесили прежнюю.

Рафаэлю нечего было возразить на это.

Дорога им предстояла долгая, но ни одного из них это не могло напугать, ведь источником их беспокойства был только маленький пушистый черный секрет в корзинке Клодетт.

– Куда мы направляемся? – осмелилась поинтересоваться Клодетт.

– В деревню Монмартр, – ответил капитан невозмутимо. – У моей семьи там сохранился старый дом.

От одной только мысли о том, что сегодня им предстояло покинуть город, у девушки захватывало дух. Каждый француз в душе – истинный *«paysan»*, то есть «пейзанин», и Клодетт не была исключением. Рафаэль разделял ее чувства относительно природы, но больше он радовался тому, что, пусть и на одну лишь ночь, наконец окажется вдали от всех своих парижских дел, нескончаемых казней и костров, инквизиторов, судьи де Валуа и его безнадежно испорченного сына.

Крепостная стена Карла V, сооруженная вокруг Парижа для его защиты в 1356—1383 годах, к тому времени уже была разобрана почти до основания. Местами все же оставались обветшалые каменные сооружения, но их обойти было проще простого, поэтому из города они выехали незамеченными, и узел беспокойства в животе Клодетт стал постепен-

но развязываться. По мере того как Париж отдалялся, она чувствовала себя спокойнее. Расстояние позволило ей расслабиться, но сердце ее одновременно сжималось от странного ощущения предательства – Бастьен ушла без ведома отца и бабушки Клода, и из-за этого чувствовала себя так, будто предавала их. Вместе с жестоким городом позади оставались и родные люди. Она чувствовала как отдалялась от них. И казалось ей, что это навсегда.

Местность была не шибко разнообразной: равнины, да равнины, но за девятнадцать лет шумный застроенный Париж успел ей прискучить, так что природа оказалась глотком свежего воздуха. Клодетт впервые испытывала ощущение простора.

Лунный свет освещал их дорогу в ночи. Он придавал всему вокруг мягкий, приятный синеватый оттенок. Падая на поля, сухую дорогу под копытами лошади, нежно ложился на кожу и делал ее совершенной. Дышать свежим ночным воздухом за пределами Парижа было втрое приятнее – он будто очищал изнутри.

Клодетт запрокинула голову и свой лик, сиявший юной красотой, обратила к звездному небу. Звезды, словно тысячи светлячков или брызги светлой краски, были беспорядочно разбросаны по темному небесному полотну. Тут и множества созвездий, и Млечный Путь – все мы знаем миф о том, как маленький Зевс разлил козье молоко.

Рафаэль тоже залюбовался этим бесподобным зрелищем.

Он сколько раз видел это ночное явление, столько и не находил в нем ничего особенного, почти игнорировал, вспоминал о чем-то более важном, чем духовное спокойствие, и снова начинал суетиться. Но неподдельный интерес и восхищение Клодетт заставили капитана тоже прийти в восторг, и сегодня звезды для него горели ярче.

Глава 7

Вскоре на горизонте стали появляться ветхие домишки и первая ветреная мельница, которых в этой деревне к Великой Французской революции будь насчитываться не менее четырех. Путники пересекли большой каменный мост, под которым сверкала серебристая лента реки, отражавшая лунный свет, и выехали на прямую дорогу к деревне. Они быстро преодолели это расстояние.

Оказавшись в деревне, Клодетт отметила, что такой тишины в городе не бывало даже по ночам. Это место казалось ей необитаемым, погруженным в летаргический сон, но при этом по-настоящему живым. Где-то в высокой траве стрекотали кузнечики, ветер шумел вершинами редких деревьев, словно младенец играл погремушкой, и свистел в ушах – все звуки были естественными и в этой спокойной атмосфере неожиданно приятными.

Деревня находилась на возвышенности на открытом поле и свободно обдувалась всеми ветрами Франции, но дому Ларивьеров и этого оказалось недостаточно – он был построен ко всему прочему на холме на самом краю деревни.

Дом был одинок и окружен ветхим забором. Когда они въехали во двор, Рафаэль помог Клодетт спуститься на землю и привязал лошадь к старому колодцу.

Отсюда открывался изумительный вид на деревню. Это

была светлая ночь, освещаемая множеством звезд. Лунный свет падал на крыши домов и тропинку, и, глядя с холма, Клодетт заметила, что он напоминал ей только что выпавший снег. Вдали, за этими домами чернел Париж. Любоваться этим зрелищем долго не получилось – бушующий на вершине ветер подхватывал ее волосы вместе с плащом и нес в сторону ее лица, поэтому Клодетт подбежала к другому краю холма.

С этой стороны никаких домов не было. Журчавший у пологого склона холма ручей отражал в себе звезды, будто маня из него напиться, и пересекал широкое поле, а где-то в далеке темнел густой лес – он на горизонте выглядел почти черной полосой, казался краем света, за который уходили звезды для восстановления сил.

Клодетт, молодая, свободолюбивая душа, совсем позабыла о том, зачем сюда приехала – столь велико было притяжение к прекрасной нетронутой природе, созданной одним лишь Богом, еще не затоптанной ногами и не испорченной руками людей. Как бы ни старался человек, никогда он не сможет превзойти Господа – в одной дикой травинке жизни и истинной первозданной красоты больше, чем в любом архитектурном строении. Капитан разделял это мнение, и потому позволил ей забыться.

Здесь царила гармония с природой, и здесь же Клодетт чувствовала с ней, а значит и с Создателем, родство. Она никогда не питала к Франции теплых чувств из-за того, что

происходило в Париже, но сейчас в ее голове не было места тревоге. «*La douce France!*» – восхищалась она, что в переводе с французского на наш значит «милая Франция».

Однако, ветер здесь, наверху, был столь же силен, сколь красив был вид. За считанные минуты он заставил девушку дрожать от холода и обнимать себя руками, чтобы хоть как-то согреться. Рафаэль мог бы предложить свои объятия, но засмутился и вместо этого позвал Клодетт в дом.

Глаза ее после этого еще долго горели новым взглядом. Это вызывало у Рафаэля теплые чувства. Отчего-то ему и самому сделалось приятно. Наверное, потому что именно он привел Клодетт сюда и показал то, на что смотрел долгие годы. Впрочем, такого восхищения он не ожидал увидеть, ведь на протяжении многих лет жизни здесь каждый день видел эти пейзажи и оттого воспринимал их как данность.

Когда-нибудь она будет смело заходить в его дом, как в свой собственный. Когда-нибудь, но не сегодня. Сегодня Клодетт робко прошла внутрь, испытывая странное ощущение вины за свой визит.

Вслед за Рафаэлем, хозяином дома, девушка зашла в самую большую в этом маленьком доме комнату. Это была объединенная с кухней детская. В углу стояла колыбелька. Клодетт с улыбкой шагнула к ней навстречу с одной мыслью в голове: наверное, здесь спал Рафаэль, когда был младенцем. Возможно, он в этом же доме и родился. Приятно было

видеть его маленькую родину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.